

Андрей Убогий

**Читайте в серии «Имена.
Российская проза»:**

Оксана Даровская

«Москва. Квартирная симфония»
«Неоконченный танец»

Ирина Лейк

«История Аптекаря, райских птиц
и бронзовой головы слона»
«Сто способов сбежать»

Алекс Тарн

«Четыре овцы у ручья»

Екатерина Златорунская

«Осенняя охота»

Яков Шехтер

«Водолаз Его Величества»

Анна Бабина

«Презумпция вины»

Гоар Маркосян-Каспер

«Пенелопа»

Наталья Веселова

«Олений колодец»

Татьяна Герден

«Стрекоза»

Эльза Гильдина

«И за мной однажды придут»

Андрей Убогий

ДОКТОР

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
У17

Издание подготовлено при участии
Литературного агентства «Флоберיום»

Дизайн обложки Анастасии Ивановой

Убогий Андрей
У17 Доктор : роман / Андрей Убогий — М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 272 с. — (Имена. Российская проза).

ISBN 978-5-389-28699-3

Чем измеряется успех?

Карьера, признание коллег, хорошая семья — все это и есть подтверждение того, что жизнь прожита не напрасно, что человек состоялся.

У Григория Днепров, талантливого хирурга, было и то, и другое, и много еще всего, что полагается состоявшемуся и уважаемому человеку. Его поезд шел по накатанным рельсам не сворачивая.

Но произошло непоправимое, и поезд пошел дальше уже без пассажира. Доктора Днепров из него вытолкнули. Теперь он бродяга, бомж.

Но оказалось, что жизнь с утратой регалий, признания в обществе не закончилась. Она стала другой, но он по-прежнему остался человеком и — доктором, готовым помочь каждому, кто в этом нуждается.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-28699-3

© Убогий А., 2025

© Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2025

Издательство АЗБУКА®

I

«Отчего же так холодно? — Отец Яков, дрожа, посмотрел в темноту за окном кельи. — Может быть, что-то случилось в котельной?» Поток неотвязных забот одолевал его с тех самых пор, как его, молодого еще человека, назначили замещать монастырского игумена — отец Нил долго и тяжело болел, — и даже утром, в час ранних келейных молитв, не отогнать было мысли о кухне, о прачечной или о том, где достать денег рабочим, ведущим ремонт лазарета.

Озябшие руки монаха ощущали ребра остывшей сырой батареи. Тоска и тревога вдруг так усилились, что даже заныло в груди.

— О Господи... — вздохнул о. Яков и перекрестился.

В такие минуты, он знал, помогала молитва. Но когда о. Яков подлил масла в лампаду, — огонек ее вытянулся, озарив скорбный лик Богородицы, — вновь осенился крестом и начал привычную шепчущей скороговоркой: «Царю Небесный, Утешителю, Душе истины...» — как в дверь постучали.

— Кто там? — раздраженно спросил о. Яков, и сам не узнал свой пустой сиплый голос.

— Молитв ради... отцов наших... и всех святых... — забормотал кто-то за дверью. — Отец Яков, откройте!

Это был суетливый Василий, послушник, который всегда самым первым узнавал монастырские новости. Его бабье лицо выражало испуг: глаза бежали, губы дрожали от нетерпения доложить о случившемся.

— ...Холодно, спать не могу, — торопливо рассказывал он. — Дай-ка, думаю, добегу до котельной: вдруг там что случилось? И с фонариком, стальной, — туда...

— Ну, и что там?

— А там, отец Яков, страх Божий — там мертвое тело лежит!

— Что за тело? — О. Яков вздрогнул, и оба — монах и послушник — перекрестились.

— А это Григорий, наш истопник — ну тот, что с весны при котельной живет. И он-то, сердешный, холодный уже — и котлы уже все поостыли...

Поспешно надев телогрейку, скуфью, монах вышел вслед за Василием. На дворе ему показалось даже теплее, чем было в каменной келье. Поначалу в глазах зарябило от звезд — но потом, опустив взгляд долу, о. Яков различил свет фонаря на глыбистой мерзлой земле под ногами.

— Осторожнее, отец Яков, — бормотал задыхавшийся, тучный Василий. — Ступайте за мною, вот прямо по пятнышку света...

Он причитал на ходу, продолжая заботливо двигать перед о. Яковом пятно фонарного света. В это пятно попадали сухие травинки, комки индевелой земли, отпечатки рубчатых подошв и суконный подол его, о. Якова, рясы. Все это было настолько явственным, резким, что сама беспощадно-нагая отчетливость, как бы враждебность, предметов, встречавшихся им на пути, обостряла в душе о. Якова чувство тревоги.

Пока они медленно, словно бы крадучись, шли через ночь, монах вспоминал человека, что жил при котельной. Да, он попросился в истопники как раз на Страстной. Монастырь задыхался тогда от нехватки рабочих, на кухне и в прачечной мучились без горячей воды, и о. Яков был рад любому помощнику. Григорий — так он назвался — не просил ни жилья, ни тем более платы, сказав, что поселится прямо в котельной. Документов с ним, правда, не было никаких — но какой же бродяга имеет с собой документы?! Еще он сказал, что раньше был доктором, что болен тяжелой болезнью — так что и помирать ему, скорее всего, придется в монастыре. «Что ж, на все воля Божья», — ответил тогда о. Яков. Почему-то он верил всему, что ему говорил изможденный, с седой бородой незнакомец. То ли скорбный светящийся взгляд его глаз, то ли нервные длиннопалые руки, чуть не по локти торчавшие из рукавов телогрейки, — но что-то в Григории было такое, что его отличало от прочих бродяг, попрошайек, юродивых, отиравшихся около монастыря. Потом о. Яков несколько

раз собирался навеститься к истопнику, поговорить с ним пообстоятельней, не торопясь — но, как водится, не было времени. К тому же котельная заработала без перебоев, и о. Яков все реже вспоминал и о ней, и о новом истопнике.

«Теперь-то не поговоришь, — вздыхал о. Яков. — Теперь никогда не узнаешь, что это был за человек и как Бог привел его в монастырь». К чувствам топки и тревоги, что переполняли его, прибавилось чувство досады, стыда и еще страх собственной смерти — которая, не дай Бог, будет столь же внезапной, как смерть того человека, на последнюю встречу с которым они теперь шли.

Луч фонаря скользнул по угольной куче, затем вспрыгнул на невысокую дверцу, нашарил скобу замка, ручку — и о. Яков с Василием, пригибаясь, вошли в кочегарку.

Тело лежало у топки, раскинувшись навзничь по крошеву угля. Едва ощутимым теплом еще веяло от распахнутой топочной дверцы — поэтому, может быть, и о. Яков подумал: «А вдруг он еще жив?»

Но ледяная щека, до которой монах осторожно дотронулся, не оставляла сомнений: покойник.

— Не суетись, наведи свет на лицо, — задержал о. Яков дрожащую руку послушника с прыгавшим в ней фонарем. — Или дай-ка я лучше сам посвечу.

Поражала значительность мертвого лика. Черты его были искажены: одной половиною губ мертвый как бы улыбался — а другой угол рта был скорбно

опущен. «Инсульт, — догадался монах. — Моя мать умирала с таким же вот перекошенным ртом».

Все в лице мертвого было крупным, породистым: уши, нос, складки грубых морщин и седая, по грудь, борода. Залысины делали очень высоким, внушительным лоб. Глаза были полуприкрыты — казалось, что мертвый доселе сурово следит за живыми.

— Непростой, видать, был человек, — зашептал Василий. — Вон какие глазищи! А лоб? Я таких лбов и не видывал...

И он снова поспешно перекрестился — как зачарованный, не сводя глаз с мертвого. О. Яков поводил пятном света вокруг, освещая котельную. Колена изогнутых сдвоенных труб и их черные тени так сложно смещались, накладываясь друг на друга — словно переплетенные змеи шевелились во мраке. На одной из остывших труб уже мерцал иней.

В углу помещалась постель: на трех деревянных составленных ящиках лежала куча тряпья, а изголовьем служил серый дерюжный мешок, чем-то туго набитый. Рядом был стол: тоже ящик, стоявший на четырех кирпичах и покрытый истертой клеенкой. Из стакана, залитого стеарином, торчал огарок свечи. На столе о. Яков увидел четыре истрепанные толстые тетради, одна из которых была раскрыта. Нагнувшись над нею и подсветив фонарем, монах полистал исписанные страницы. Почерк был крупным, размашистым: даже по беглому взгляду и то было видно, какой быстрой рукою все это писалось.

«Что это? — удивился о. Яков. — Похоже на исповедь или дневник... Если так — надо взять почистить».

— Вот что, — сказал он Василию, напряженно дышавшему рядом. — Ступай к привратнику и сообщи с его телефона в милицию. И поскорее: вот-вот зазвонят к заутрене.

— Ох, батюшки, я и забыл: нынче ж праздник! Отец Яков, вы уж простите меня: я вам все утро испортил.

— Да ты-то, Василий, при чем? Ладно-ладно, ступай. И фонарь заberi: я и так добреду.

Когда о. Яков, забрав тетради, вышел снова во двор, там уже посветлело. Звезды сделались мельче, а на краю небосвода обозначились кроны деревьев и башни их древнего монастыря — те, что помнили еще Смутное время.

Не успел о. Яков пройти двух десятков шагов, как с колокольни Введенского храма донесся гудящий чугунный удар. Сердце монаха забилося поспешно и радостно — в такт переливчатых, бодрых трезвонов, сопровождавших гул главного колокола. Благовест ширился, рос. О. Яков чувствовал, как его словно приподнимает, волна за волной, колокольный размеренный звон: с каждым гулким могучим ударом из души уносило тоску, раздражение, страх — и он, о. Яков, становился как будто крупнее и чище.

Менялся и мир, что лежал в зябкой утренней мгле. Недавно пустой и потерянный, весь какой-то чужой сам себе, он наполнялся, удар за ударом,

энергией жизни. Упорно и радостно бившие колокола словно выковывали новый уверенный день — из тревожных сомнительных сумерек утра.

II

О. Яков даже не представлял, как ему будет трудно в монастыре. Он был человеком любви и гнева; а монастырский быт, весь этот сложный людской, непрерывно бурлящий котел, для любви оставлял места мало — зато ежедневно поддерживал гнев, раздражение и недоверие к людям.

Расположенный на том самом «сто первом километре», куда столица выбрасывала отсидевших по тюрьмам людей, монастырь до сих пор подвергался нашествию освободившихся уголовников. Донимала и «чистая» публика. Паломники и экскурсанты, больные и новобрачные, окрестные жители и бизнесмены, у которых не ладилась личная или торговая жизнь, — все стремились в старинную эту обитель. Казалось, что люди везут свои беды, грехи со всех концов света и что стены монастыря, несмотря на могучую их толщину, вот-вот не выдержат напор бесконечных грехов и несчастий. Почти ежедневно случались скандалы и кражи, из гостиницы для паломников то и дело выносили пустые бутылки и даже шприцы (наркоманы тоже нередко навевывались сюда), и о. Яков большую часть своих сил и времени тратил на то, чтоб поддерживать хоть какой-то порядок. «Словно это и не монастырь, — вздыхал он, крестясь,

в час вечерних молитв, — а, прости Господи, вшивый рынок какой-то...»

Побыть с самим собою наедине, разобраться в своих мыслях и чувствах не оставалось ни сил, ни времени. Порою казалось: он вовсе и не живет здесь, в монастыре, а видит мелькающий путанный сон. И, как часто бывает во сне, всего тягостней было ощущение бессилия, невозможность что-либо исправить в том хаосе, в котором он вдруг оказался.

Время, когда он служил в храме, было для о. Якова лучшим временем дня. Покой самозабвения опускался тогда на него: то блаженное состояние, когда тебя самого со всеми тревогами и бытовыми заботами уже как бы и нет — а есть гулкий храм, весь наполненный блеском подсвечников, ламп и окладов, полный клубящимся ладанным дымом, есть густой бас диакона, от которого даже колышется пламя ближайших свечей, и есть множество ликов, внимательно-скорбно следящих с икон за неспешным течением службы. Литургия была как река — и о. Яков плыл в ней, забывая себя. Что делать и что говорить, когда выходить на амвон, а когда возвращаться в алтарь, он не думал: все совершалось само по себе, словно и не о. Яков вел службу, а, напротив, сама литургия, сам ее древний порядок и чин направляли и руки, и речи иеромонаха. Он был только малою частью чего-то огромного, древнего — и вот именно эта причастность старинному таинству службы наполняла его самозабвенным, блаженным покоем.

О. Яков хотел бы, чтобы служба совсем не кончалась — чтоб густые басы монастырского хора всегда продолжали гудеть под высокими сводами храма, чтобы вечно был слышен треск тонких свечей и мерцал бы их свет, так волшебным умноженный позолотой иконных окладов, чтобы лился и лился тот сложный, таинственный, древний поток литургии, в котором так радостно плыть...

И четыре, и пять часов долгой службы порой пролетали, как один миг, — а потом, когда служба кончалась и о. Яков, сняв облачение, выходил на крыльцо опустевшего храма, он не сразу осознавал, где же он оказался. Озираясь, он думал: зачем этот двор, эти люди, снующие мимо с озабоченным выражением лиц, к чему эти груды красного кирпича и штабеля сырых досок, и чего, например, хочет вот эта растрепанная старуха, вдруг повалившаяся перед ним на колени?

— Встань, матушка, встань, — растерянно бормотал о. Яков, поднимая рыдающую старуху. — Не меня проси, Бога проси...

Он что-то делал, ходил, говорил — но в душе его долго еще сохранялось недоумение перед этим назойливым суетным миром, который был так непохож на высокий торжественный мир литургии и храма, но в котором ему, о. Якову, опять надо было трудиться и жить.

Иногда было чувство, что он погружается в чан с нечистотами: настолько был резок контраст между чистым восторженным настроением храмовой службы — и той мелко-суетной жизнью, что мутно кипела вокруг.

Вот и сегодня: едва он, отслужив, пришел к себе в келью — за ним прибежали из кухни.

— Отец Яков, идемте скорей — там опять безобразят!

— Что такое?

— Двое урок напились за трапезой, а теперь требуют, чтобы их поселили в гостиницу.

Когда о. Яков, катающий желваки по напрягшимся скулам, быстро вошел в трапезную, пьяных там уже не было.

— Где они?

— Только что вышли, отец Яков, — ответил послушник, гремевший посудой. — Покурить им, видите ли, захотелось...

Те двое, одетые, как попугаи, в цветастые куртки, стояли, пошатываясь и сыто икая, на ступенях Введенского храма и курили. Татуированные перстни синели на их пальцах вперемешку с литыми печатками, рты сверкали золотом фикса, а на оголившейся потной груди одного синело не меньше десятка церковных куполов: по одному на каждый год отсидки. Вот этот-то, с куполами на жирной груди, был особенно мерзок: лысый, огромного роста, с лицом, перечеркнутым шрамом. Он хмельно и насмешливо посмотрел на подошедшего о. Якова.

— Ты, батя, не бзди. — Гигант положил на плечо о. Якову руку. — Мы еще по бутылочке скушаем да пойдем себе баиньки. Есть у вас тут номера поприличнее?

Монах, резко дернув плечом, сбросил тяжелую руку. Пьяный гигант помрачнел.

— Отчего это здесь какие-то нервные все? — спросил он худого, курившего рядом напарника. — Что шестерки на кухне, что этот монашек... Я так не люблю. Люблю, чтоб со мной по-хорошему!

И он, пожевав сигарету, с досадою сплюнул: комок желтой слюны шлепнулся на ступень храма.

Никто не успел понять, что случилось: через мгновение жирный гигант лежал на спине, его ноги дергались, а изо рта текла кровь. О. Яков и сам с недоумением, как на что-то чужое, посмотрел на свой собственный, в кровь разбитый кулак.

Второй уголовник куда-то исчез, а вокруг о. Якова и поверженного гиганта засуетились люди.

— Оттащите его за ворота, — пряча разбитый кулак в подол рясы, приказал о. Яков послушникам. — Пусть там полежит, пока не очухается. И помойте ступени...

Его все сильнее знобило: как будто ярость и напряжение краткого боя достигли своей высшей силы вот только сейчас, когда все было кончено. От высокого чистого настроения службы не осталось следа. С окаменевшим и серым лицом о. Яков пошел к себе в келью, стараясь ни на кого не смотреть. «Что ж за люди-то, Господи? — думал он. — Да и сам-то хорош: распустил кулаки, как мальчишка в уличной драке... Завтра к настоятелю надо пойти исповедаться, чтобы он епитимию наложил — а то служить нельзя будет...»

До самого вечера мучился он отвращением к людям и к себе самому: он был словно отравлен всем тем, что случилось сегодня. «Похоже, я болен...» —

вздыхал о. Яков. На глаза вдруг попались тетради, которые он еще утром принес из котельной. «Что это? Ах, да: записки покойного истопника...»

И он раскрыл верхнюю из лежавших на подоконнике четырех тетрадей. Первое, что поразило его и чего не заметил он раньше, — это то, как разгониственный почерк Григория был похож на его собственный. «Надо же, — удивился монах. — Словно я сам все это и написал...» Почерк был неразборчив, но о. Яков легко разбирал строчку за строчкой, как будто читал свое собственное письмо.

Чтение все сильнее его увлекало. Он пододвинул поближе настольную лампу и сел поудобнее. Было чувство, что кто-то находится с ним, о. Яковом, в келье, вместе с ним перелистывает тетрадь — и это незримое чье-то присутствие утешало монаха, уставшего от одиночества.

III

«...Счастье мать, счастье мачеха, счастье бешеный волк...» Так говорила покойная бабка, Матрена Ивановна, и мне почему-то все чаще теперь вспоминаются эти слова. В них вроде нет очевидного значения, но все же сквозит смысл, — тот, который не так просто выразить мыслью и словом.

Так вот и эти записки, которые я для себя неожиданно взялся писать. Очевидного смысла в них вроде и нет — кому нужно знать, как жил бомж, пусть даже бывший хирург? — но мне самому перед смертью, уже недалеко, хочется снова увидеть

свою миновавшую жизнь. Увидеть не в том хаотически-путаном виде, в каком ее воскрешают капризные и непослушные воспоминания, — а увидеть изложенной более-менее связно. Ведь нам, людям, нужно не просто прожить свою жизнь от рожденья до смерти, нам еще необходимо и осмыслить ее — осознать, что пройденный нами путь был не случаен и не напрасен.

И, чувствую, надо спешить. Провалы беспамятства, те, что случались и раньше, все учащаются, и мне все трудней отнимать у забвения то, что оно поглощает так жадно и вместе с тем так равнодушно. Пока лето, пока ночи теплы и работа в котельной не слишком обременяет меня, постараюсь усердно, как и подобает монастырскому труднику, писать свою летопись.

Если бы кто-нибудь из моих прежних знакомых повстречался со мною сейчас — ни за что бы меня не узнал. Теперь я похож на скелет, обтянутый желтою кожей, с седой бородой и трясущимися руками: не человек, а выходец с того света. А всего год назад я был доктором, персоной довольно известной в том городе, где я жил, и, уж конечно, мой облик тогда был другим. Я был осанистый, крупный мужик с животом и двумя подбородками, лицо мое было всегда чисто выбрито и благоухало хорошим одеколоном, белый халат всегда был отглажен — сама внешность моя излучала уверенность, бодрость, желание жить. «На вас, Григорий Александрович, только посмотрись — так сразу и сил прибавляется», — бывало, говорили мне пациенты.

Двадцать пять лет — полный рекрутский срок — я отработал хирургом. К сорока стал заведующим отделением, оперировал много и с удовольствием — в общем, вел жизнь успешного доктора, на которого молодые медсестры смотрели влюбленно, а молодые коллеги — ребята, как правило, самолюбиво-ревнивые — всегда признавали за лидера и за неплохого врача.

И вот что интересно: те двадцать пять лет, что я отработал в больнице, сейчас вспоминаются как один всего-навсего день. Как будто я утром совсем молодым человеком вошел в хирургический корпус больницы, провел долгий день в палатах, перевязочных и операционных, а вечером, уже в сумерках, с больничного крыльца утомленно спустился пожилой доктор Днепров. Конечно, так промелькнуть может только счастливая жизнь: только самозабвенье живой, интересной работы позволяет не замечать даже время.

Больница притягивала, словно магнит. Случалось, гуляя с семьей в воскресенье по городу, я испытывал неодолимую тягу зайти в отделение и провести больных — хоть в этом и не было никакой неотложной нужды. И я говорил жене Вале и сыну Сереже:

— Возвращайтесь домой без меня, а я забегу на работу.

— Сто, дуса неспокойна? — спрашивал, шепелявя, мой маленький сын, повторявший мои же собственные слова.

— Нespoкойна, Сереженька, — смеясь, отвечал я ему. — Вот вырастешь, станешь врачом,

тоже будешь в свои выходные наведываться в больницу.

— Нет, врачом тогда быть не хочу, — отвечал мой сынок, рассудительный не по годам. — Я хочу лучше на самолете летать!

И по утрам, когда шел на работу, я всегда чувствовал притяжение больницы. Уж казалось бы: что хорошего ждет меня там, где скопилось такое количество боли и горя, где придется выслушивать бесконечные жалобы, мять животы, отдирать в перевязочных набрякшие кровью повязки и часами потеть за операционным столом? А вот, поди ж ты, я всегда прибавлял шагу, когда видел семиэтажную эту громаду, напоминавшую грузный корабль, что плывет над гудящей машинами улицей, над людьми и домами, над всей городской суетой.

Я входил в больницу с чувством, будто ныряю в стремительный сильный поток, и он подхватывал, нес, не давал ни опомниться, ни оглядеться, ни даже подумать о чем-нибудь, кроме работы. Передо мной бесконечно мелькали знакомые и незнакомые лица, каталки и лестницы, гулкие коридоры, шипящие струи воды и мыльная пена, вспухавшая между ладоней, в глубине раны хлюпала кровь, ритмично гудел аппарат для наркоза, и непонятно, что больше слепило и утомляло глаза: многоглазая лампа, чей диск висел над столом, или блеск инструментов в распахнутой ране? Как ни странно, но доктору, погруженному в операцию, думать, в сущности, не о чем: работа сама все диктует ему. Надо шить — значит, шей; надо что-то отсечь —

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Андрей Убогий
ДОКТОР

Ответственный редактор Ю. Раутборт

Редактор О. Аминова

Технический редактор Л. Синицына

Корректоры В. Алексина, Н. Быкова

Верстка С. Иванова

В оформлении обложки использована иллюстрация
(с) ZagAlex / shutterstock.com

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 18.04.2025.

Формат 84 × 108 $\frac{1}{32}$. Гарнитура «Spectral».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,28.

Тираж 2000 экз. T-RPI-37811-01-R. Заказ №

Изготовитель: Өндіруші:

ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» –

обладатель товарного знака Азбука
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ
Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

«Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» ЖШҚ –
Азбука тауар белгісінің иесі
115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский
муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А.
Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Санкт-Петербург қаласындағы
«Азбука-Аттикус»
Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі,
12–14 үй, лит. А.
Тел.: (812) 327-04-55.
Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции

(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

